

полная редакция. В этом случае он явно ошибается: достаточно ознакомиться с сочинениями И. Пересветова, чтобы убедиться, что там издана не одна редакция, а целый ряд списков, представляющих все основные редакции и виды. Кстати говоря, выводы самого Ю. Ф. Сальникова о Музейном списке, или полной редакции [автор говорит то о «редакторе списка», то «о незавершенности обработки (полной, — А. З.) редакции»],<sup>4</sup> основаны не на текстологических соображениях, а исключительно на домыслах автора.

Исходя из наличия в сборнике ГБЛ Музейного собрания № 4469 некоторых посланий Курбского, Ю. Ф. Сальников предположил, что редактором полной редакции сочинений Пересветова был князь А. Курбский, проделавший «незавершенную обработку» пересветовских текстов (без Большой челобитной) перед побегом за границу (стр. 123).<sup>5</sup> Ю. Ф. Сальников ссылается на то, что в Повести о падении Царьграда, помещенной в начале полной редакции сочинений Пересветова, «царь выступает в окружении патриарха, бояр». Все эти рассуждения лишены научных оснований. Прежде всего Послания Курбского восходят лишь к двум из 14 списков полной редакции, и уж, конечно, их наличие в сборниках не может доказывать редакторскую работу боярского публициста над сочинениями Пересветова. Никакого стилистического и идейного родства между полной редакцией и Посланиями Курбского Сальникову установить не удалось (кроме ссылки на наличие у Пересветова и Курбского полонизмов).

Известно также, что Повесть о падении Царьграда и Сказание о книгах имеются в различных вариантах не только в полной, но и в неполной редакции (в списке Оболенского, Барсовско-Никоновском и Хронографическом изводах). Так что появление этих памятников нельзя связывать с деятельностью составителя полной редакции, а следует относить к работе самого Пересветова. Это, конечно, не означает, что идейная направленность Повести о падении Царьграда, существовавшей в виде самостоятельного произведения уже к концу XV в., всецело соответствовала взглядам Пересветова, напротив, в ряде случаев наш публицист весьма сильно корректировал своего предшественника.

Неменьшие недоумения вызывают и размышления А. Л. Саккетти относительно некоторых моментов, касающихся биографии Пересветова. Так, по его мнению, публицист поплатился «за ту внешнеполитическую программу, которой он держался», в частности за то, что, по его мнению, задачей Русского государства было «идти на юго-восток против турецкого султана и его вассала, крымского хана» (стр. 119). У Пересветова отнюдь нет призыва Ивана IV к борьбе с турецким султаном (Магмет-салтан даже один из его любимых героев). По отношению к Крыму публицист рекомендует вести не наступательную, а оборонительную политику. Южные рубежи страны должны быть защищены особыми отрядами — стрельцов-воинников «огненного боя», которые должны препятствовать всем попыткам крымских ханов вторгнуться на Русь. Какие же есть основания у А. Л. Саккетти приписывать Пересветову программу активной борьбы с Турцией и Крымом?

Или вот другой пример чистого домысла. По мнению Саккетти, Пересветов усматривал в Магмете-салтане «тайного сторонника христианства,

<sup>4</sup> О «редакторе списка» вообще говорит он, очевидно, по недоразумению, ибо все указанные им особенности характерны не для одного (Музейного) списка, а по крайней мере для всех или многих списков Полной редакции.

<sup>5</sup> Ю. Ф. Сальников ни одним словом не обмолвился, почему он решил исключить Большую челобитную из «обработки» Курбского, хотя и это произведение помещено в тех же сборниках, где находятся и другие сочинения Пересветова.